

Эпизод \[149й]////
ВТОРАЯ СМЕНА

- >> Три полёта
- >> Ночные полёты
- >> Гипноз

16 октября 1972 г. (понедельник)

— *Вот так бы спал и спал! Во сне думать не надо!* Из худ. сериала «Доктор Тырса»
Если бы мы служили в кавалерии, то не сидели бы субботу и воскресенье без дела. Но мы служим в авиации, да плюс ко всему, находимся на чужом аэродроме, «в гостях». Поэтому приходится считаться с хозяевами и летаем по три смены в неделю. В остальные дни совершенно нечего делать. Кто читает, кто спит, сдавая зачёты на звание «заслуженная пожарная лошадь», кто режется в «козла».

Таких игроков перед полётами во вторую смену и заловил комэск.

— Что, курсанты, делать нечего? Вы двое, — он хлопнул по спинам этих двоих, — идёте завтра в стартовый наряд наблюдающими за шасси. Ты, Паландин, — дежурным по старту. А ты, Иванков, — Мельников задумался. — Планшетист есть, хронометражист есть. Что же тебе придумать? А ты в наказание сбегаешь на аэродром к младшему сержанту Похадаеву и передай ему, чтобы готовил самолёт к ночным полётам!

Честно говоря, до меня не доходит: а почему, собственно, курсантам в свободное от службы и полётов время нельзя играть в домино? Уставом это не запрещается! Нам никто официально не объявлял, что в 443м ордена Богдана Хмельницкого, ордена Александра Невского Корсунь-Шевченковском учебном авиаполку запрещается забивание «козла» в домино! Или Мельникову просто придраться не к чему? А что

делать? Просто валяться по койкам, глядеть в потолок и молчать? Неужели комэск не понимает, что его именно таким придирчивым ни за что, ни про что и запомнят его курсанты?

Вдогонку:

••>> — *Для того и нужны подчинённые, чтобы валить всё на них!*

□□□□□ — *Бросить их на колючую проволоку, а самому бежать вперёд!*

Из америк.

худ. сериала «Безумцы»

Я сижу в стороне и читаю приключенческую книгу «Тревожный месяц вересень» о том, как громили бендеровское отребье в послевоенные годы. Когда углубляюсь в чтение, живу одной жизнью с героями повести. В такие минуты даже переживаю за них.

Но тут снова чтение перебивают. На этот раз слышу за спиной голос Хотеева. С ним заговаривает Вовка Журавлин:

— У вас, товарищ капитан, нет случайно полихлорвинила?

— О! Мне тоже нужен полихлорвинил! Чтобы мне достал!

— Да мне же самому надо, нигде нет. Никак не достану!

— Разговорчики! — и тут же слышен звук отпущенного щелбана по лбу Вовки.

— Ой! — делано орёт Журавель.

— Чтобы достал!

— У меня был на первом курсе, мне мать добыла. Так я тогда, дурак, всё Маре отдал.

— Кому? — переспрашивает Равиль.

— Маре... Марченко! Знаете? Сейчас он летает на третьем курсе. Он тоже выпиливает самолётики из плекса!

— Нет, Марченко не знаю! — говорит Хотеев и усмехается: — «Маре»...

Молчание. Где-то в углу снова стучат костяшками домино. Я пытаюсь опять взяться за книгу. Но присутствие позади меня кэээ отвлекает.

— Сынок! — обращается ко мне капитан. — Кручинин!

Я оборачиваюсь.

— Ты подготовился к полёту?

— Подготовился!

— Тщательно?

Я киваю.

— Точно?

Я снова киваю.

Сейчас командир звена разговаривает удивительно мягко. Обычно его манера говорить не такая, а напористая, с подковыркой. А, быть может, он прав? Может, именно это учит курсанта покорности? Возможно, в его словах — что надо менять свой характер — что-то есть? Нельзя же служить с таким характером, как у меня! Но я не люблю несправедливость, от кого бы она ни исходила! А Хотеев и Трошин пытаются обломать меня. Неужели у нас такая система везде, во всех лётных училищах? Впрочем,

это ещё по-человечески. В Японии, во время войны в лётных школах, где готовили камикадзе, морды друг другу заставляли квасить в строю! И не понарошку, а в самом деле!..

Вот в субботу... На предварительной взял и намекнул на курсантские пьянки. А в звене у нас почти никого нет (кроме меня и ещё нескольких человек), кто бы отказался от выпивки, если ему кто-то предлагает, тем более командир отделения Галага. Отказался – значит, заложишь и не «наш» человек! А то, что Румын злопамятен, в отделении знают, наверное, все!

Конечно, я чувствую, что по-настоящему близко ни с кем из курсантов в эскадрильи не сошёлся. И в этом есть что-то неестественное. Получается, что я никому не доверяю. Но ведь и мне тогда, выходит, никто не может доверять.

М-да! Пожалуй, теория «Лучше вовсе не иметь друга, чем иметь плохого», под большим вопросом! Ведь по большому счёту наших назвать «плохими» нельзя! Что они плохого делают?

Как я уже однажды писал, я, читая книги, иногда пытаюсь поставить себя на место героев. Вот, например. Небольшая группа вырвалась из окружения, прорывается к своим через линию фронта. В одном из боёв меня тяжело ранило. (Не дай бог!) Товарищи, конечно, не бросают меня, на руках выносят из боя. Но тяжело раненный – только обуза для всей группы. А каратели наступают на пятки.

Смог бы я застрелиться в такой ситуации? Чтобы отряд смог налегке оторваться от противника? Как себя проверить? Ведь это познаётся только на практике...

Был какой-то фильм о югославских партизанах. Там рассказывалось о подобном случае. И тот мужчина смог... Но странное дело! Я заметил: это – просто эпизод в фильме, никто из зрителей на него почти не обращает внимания – ну, застрелился и застрелился, правильно сделал, другим героям фильма легче. Это второстепенный персонаж, повествование о главных героях в фильме продолжается, ничего страшного не случилось...

Но позвольте... Каждый человек для самого себя – тоже главный герой! И ведь это целый мир!..

Ах вы, боги мои! Странно распределены блага жизни между людьми: нищему – ничего, бедному – мало, богачу – много, а довольно – никому. Каждый в этой жизни чего-то ищет... Жизнь – я чувствую – вообще сложная штука, а тем более, смерть от своей руки в аналогичной ситуации. И требовать от кого-то, чтобы он сделал свой характер попроще – разумно ли это? Проще – значит, быть «как все»! Все пьют – и я пошёл! Командиру звена это бы понравилось? Всегда всем поддакивать! Никогда ни в чём не высовываться! Не иметь своего мнения! Но разве это интересно? Разве таким был... Ну, например, Камо-Петросян?

В воскресенье о нём фильм шёл на летней киноплощадке, называется «Лично известен». Камо симулировал сумасшествие, чтобы из-за границы не быть выданным царским властям после ограбления фургона Императорского банка с деньгами на Эриванской площади в Тбилиси. Чтобы проверить, действительно ли он свихнулся, Камо жгли калёным железом. А он выдержал, внешне показывая, что не чувствует боли. Вот только зрачки его выдавали. И врач-психиатр, поражённый мужеством этого человека, не выдал его!

Так что, Камо всегда был «таким, как все»?..

Я читал, что уже после Гражданской войны Камо-Петросяна сбила на смерть

грузовая машина, когда он на велосипеде поздно ночью возвращался домой. При Хрущёве пытались доказать, что это было сделано по приказу Сталина. Ведь Камо вместе со Сталиным участвовал не в одном налёте на банки, чтобы получить деньги для партии. Может, для партии, а, может, и не для неё? Поэтому Сталина он хорошо знал. А «вождь всех времён и народов» уже тогда готовил для себя «чистую» революционную биографию. И тех, кто «хорошо его знал», убирал... Но документов нет, очевидцев нет, свидетелей нет. И поэтому всё предположениями Хрущёва и закончилось.

Вообще, мне нравятся душевно-сильные люди! Такие, как наши разведчики – смелые, умные, мужественные. Часто стараюсь поставить себя на их место: дошёл до какого-то определённого эпизода в книге, откладываю чтение и думаю: а как бы я поступил на его месте дальше? А потом продолжаю чтение, проверяю себя. И получаются интереснейшие сценарии... Но, увы, дальше мечты ничего не идёт!

Нет. По-видимому, неинтересная у меня жизнь! Скучная. Какие там, к чёрту, романы и повести! Нет-нет! Пишу дневник только для себя! Другое дело у Леви из «Записок Серого Волка», или там, у Капелюха из «Тревожного месяца...» Там жизнь полна приключений! А что у меня?

Предварительная – полёты, ошибка – порево. Отлетал без ошибок – сию, как Герой Советского Союза и спокойно жду, что мне спланируют на следующую лётную смену. Ещё пытаюсь описать нашу курсантскую жизнь, свои мысли...

Конечно, я летаю! И это действительно очень интересно! Но ведь летаю не так много, как хотелось бы. Некоторые из наших по программе вырвались далеко вперёд – уже вылетели самостоятельно по маршруту. А я даже контрольный полёт по этому виду ещё не сделал...

••>> [Через год на третьем курсе интенсивность полётов у курсантов значительно увеличится. По одному полёту в смену станет большой редкостью...] <<••

И потом уже хочется домой. Надоели эти галагинские козни! Хочется отдохнуть, встретиться, поговорить с Димой, и, если честно, приехать на ночь на палку чая к нашему полку баб-с... И не одну...

От такой мысли в штанах стало напрягаться... Ну тебя, Юрий, к чёрту! Кто о чём, а заключённый – о е*ле!

А вот интересно, если бы я в отпуск пошёл в Комитет госбезопасности и попросил меня перевести на учёбу к ним, как бы там к этому отнеслись? Кто захочет об этом со мной в Комитете говорить? Осуществимо ли сие вообще? Или ты думаешь, что достаточно там появиться, и тебя встретят с распростёртыми объятиями? Они скажут какое-то волшебное слово и всё тут же для тебя изменится? Наверное, будут запрашивать на меня характеристики. И что напишут им в ответ на их запрос? Вероятно, укажут на мои слабые стороны. Что близко в подразделении ни с кем не сошёлся? А почему? Что он замышляет? Зачем он к нам пришёл?

Слабые стороны...

Я их и сам чувствую. Главное в том, чтобы исправить их. Но вот как? Помогут ли мне в КГБ? И должны ли они этим заниматься? Им что, своих дел не хватает? А тут приходит какой-то курсант. Не шпион, а... А зачем он вообще пришёл? Зачем он отрывает нас от важных дел по обеспечению государственной безопасности?

Да и не решусь я, наверное! Это же не парашютный прыжок, второй, самый страшный! Там дверь открыта, подходишь к обреза, сжал себя изнутри: «Как интересно! Эх, была не была! Ух!» – и делаешь шаг за обрез самолёта, в высоту!.. Дальше всё

произойдёт автоматом – и парашют раскроется, и купол наполнится. А потом и приземлишься, не зависимо от того, хочешь ты этого или нет.

А здесь... Этот шаг начинается с проходной. А там что-то надо говорить солдатам, моим ровесникам...

О, боже мой! Как всё просто было для Рихарда Зорге в Японии: там – свои, здесь – враг! А тут...

Вдогонку:

••>> Я иду и пою обо всём хорошем,
□□□□ И улыбку свою я дарю прохожим.
□□□□ Если в сердце чужом не найду ответа,
□□□□ Неприятность эту мы переживём,
□□□□ Между прочим это мы переживём.

Песенка кота Леопольда, сл. А. Хайта, муз. Б.

Савельева

Quo vadis?1
<<•>> Кем тебе быть, не решил? Вскоре ты станешь ничем! МАРЦИАЛ <<•><•><•>>

<<•>>

Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, как говорится, кто везде, тот нигде.

Мишель МОНТЕНЬ

<<•><•><•>>

<<•>>

Коней на переправе не меняют.

Авраам ЛИНКОЛЬН

<<•><•><•>>

<<•>>

Из двух зол будь меньшим.

Амброз БИРС

<<•><•><•>>

<<•>>

Трудное – это то, что может быть сделано немедленно, невозможное – то, что потребует немного больше времени.

Джордж САНТАЯНА

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Какой простой? Какой буксир? Я ничего не понимаю!*

Из худ. к/ф-ма «Матрос с “Кометы”»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Понимаю, какой оборот принимает дело!*

□□□□□ — *Я рад, что вы с такой готовностью меня понимаете!* Из фр. худ. к/ф-ма «Игра на вылет»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *О, Марго! Вы единственный человек, который меня понимает!*

Из худ. к/ф-ма «Иван Васильевич меняет профессию»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Кэмерон, может, пора уже вставить ироническую улыбку?*

Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

<<><•><><•><>>

Скрытый текст, полностью выделен черной заливкой.

наполнен светом. Пламя колесит по небу, как по воде. В воздухе гонимому
Post medium noctem visus quum somnia vera?
 Скрытый текст, частично выделен черной заливкой.

Наполнен светом. Пламя колесит по небу, как по воде. В воздухе гонимому
 и вдали. Скрытый текст, частично выделен черной заливкой.